

**МЕТОД КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА
В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЕ ФРАЗЕОЛОГИИ**

Лаптева Мария Леонидовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: hohlina2004@yandex.ru.

Статья теоретически оправдывает метод анализа корреляции в познавательной непоследовательной парадигме российской фразеологии и показывает взаимодействие познавательных систем, которые подчеркивают эту тенденцию. Это перечисляет основную операцию определения применения анализа корреляции фразем.

Ключевые слова: фразема, метод корреляционного анализа, когнитивно-дискурсивная парадигма, оппозиция «Свой – Чужой».

**METHOD OF THE CORRELATION ANALYSIS
IN COGNITIVE-DISCURSIVE TO THE PHRASEOLOGY PARADIGM**

Lapteva Maria L., Candidate of Philology, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a, Tatishchev st., e-mail: hohlina2004@yandex.ru.

The article theoretically justifies method of correlation analysis in the cognitive-discursive paradigm of Russian phraseology and shows the interaction of cognitive systems that underline this trend. This lists the basic operation of determining the application of correlation analysis of phraseme.

Key words: frasem, method of correlation analysis, cognitive-discursive paradigm, opposition "Own – Alien".

В настоящее время рамки исследования фразеологического материала необыкновенно широки. Это касается, во-первых, самой статусности фразеологических единиц и, во-вторых, подходов к их анализу. Представляется, что в ходе многолетней работы ученых-фразеологов произошла интеграция сторонников широкой трактовки фразеологической единицы и сторонников ее идиоматического понимания. Это дает нам возможность объединить в качестве объекта настоящего исследования такие фраземы, то есть языковые знаки, сочетающие в себе аналитичность формы с семантической целостностью и синтаксической неделимостью [1, с. 12], как: идиомы, междометные единицы, устойчивые фразы, этикетные формулы, составные термины, перифразы, паремии, афоризмы и некоторые другие единицы.

Наиболее активно развивающимися направлениями фразеологической науки признаются национально-культурный и когнитивный аспекты изучения знаков косвенно-производной номинации.

Несмотря на то что история вопроса, связанного с изучением языка как средства выражения культуры, берет начало еще в трудах Я. Гримма и В. Гримма, идеи которых развиваются В. фон Гумбольдтом, Л. Вайсгербером, Э. Сепиром, а из отечественных лингвистов – Ф.И. Буслаевым, А.Н. Афанасьевым А.А. Потебней и другими, до сих пор находятся неизведанные грани, которые заставляют исследователей в очередной раз обращаться к данной проблеме. Интерес объясняется стремлением «проникнуть в один из самых сокровенных уголков культуры – языковое сознание» [2, с. 11] и показать языковую систему в целом и фразеологическую в частности как проекцию экстралингвистической реальности. В этом отношении, на наш взгляд, стираются границы между лингвокультурологическими и когнитивными изысканиями в области фраземики. Различия касаются лишь векторов исследования: от индивидуального сознания к культуре – в лингвокогнитологии, от культуры к индивидуальному сознанию – в лингвокультурологии.

Так, для представителей Московской школы лингвокультурологической фразеологии (В.Н. Телия, В.В. Красных, М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков и другие) характер-

но понимание того, что во внутренней форме фраземы лежит культурный знак, который питает образность и языковую семантику. Для описания языковой и культурной семантики фразем, моделирования тех процессов, которые осуществляются при воспроизведении и восприятии данного знака в речи, выявления особенности знаковой функции фраземы предлагается *лингвокультурологический метод* исследования фразеологии [5, с. 68].

Процесс когнитивно-семиологического изучения национально-культурного компонента фразеологического значения (Н.Ф. Алефиренко, Е.В. Брыкина, Л.Г. Золотых, К.И. Декатова и другие) связан с попытками выявить глубинные механизмы вербализации когнитивных структур и представить знаки косвенно-производной номинации как продукты лингвокреативного семиозиса, характеризующиеся «синергетическим взаимодействием языкового, коммуникативного, прагматического, психического и культурного аспектов» [2, с. 14]. *Когнитивно-семиологический, когнитивно-дискурсивный и когнитивно-прагматический методы* описания и моделирования фразеологической семантики, разрабатываемые в рамках данного подхода, направлены на обнаружение когнитивных стимулов, механизмов, структур порождения и функционирования фразем, репрезентирующих «социальную и собственно лингвистическую информацию в единстве семиологических, ситуативных и социально-культурных факторов» [4, с. 14].

Следует отметить, что, стремясь показать «живодействующую связь языка и культуры», исследователи в большинстве случаев предпринимают попытки выявить специфику фразем в объективации этнокультурного сознания. Однако, как утверждает В.М. Мокиенко, переоценка национальной специфики требует «установления равновесия между квотой национального и интернационального для каждой анализируемой <...> единицы» [7, с. 10]. Проблема выделения интернационального и национально-специфичного более 20 лет решается Санкт-Петербургской фразеологической школой под руководством В.М. Мокиенко, который разработал *метод структурно-семантического моделирования*, заключающийся «в конструировании модели-фразеосхемы, лежащей в основе вариантно-синонимического ряда фразеологических единиц, имеющих фразеологическое значение, относительно целостную структуру и достаточно тождественную внутреннюю форму» [6, с. 339]. Таким образом строится сопоставительное исследование фразеологической номинации в славянских и европейских языках.

Основные описанные выше направления изучения знаков косвенно-производной номинации учитывались в процессе разработки предлагаемого нами *метода корреляционного анализа* в когнитивно-дискурсивной парадигме русской фразеологии. Взаимодействие познавательных систем приводит к возможности синтезировать имеющиеся направления для комплексного представления тех или иных фразеологических фактов способом, удовлетворяющим исследовательскую потребность автора, которая в данном случае заключается в том, чтобы теоретически обосновать объективность параметризации фразем как «своих» или «чужих».

Традиционное понимание «своего» и «чужого» связано с определением источника происхождения фраземы и ее квалификации как исконно русской или заимствованной (Н.М. Шанский, Э.М. Солодухо, Ю.А. Гвоздарев, Ю.П. Солодуб, Т.М. Шихова и другие).

Когнитивно-дискурсивный подход к фраземике, однако, обуславливает иное терминологическое прочтение данной оппозиции. «Свое – Чужое» интерпретируется нами как архетипическая оппозитивная категория языкового сознания, детерминированная культурным бытием человека и общества. На наш взгляд, именно метод корреляционного анализа даст возможность раскрыть культурно-когнитивную основу формирования категории «Свое – Чужое» во фразеологической системе.

Корреляцией (от лат. *correlatio* – соотношение) называется «характерное для когнитивно-дискурсивного пространства фраземике взаимодействие между субкатегориями свойственности (этнокультурный компонент) и чуждости (инокультурный компонент), которое проявляется в определенной степени зависимости между дис-

курсивной ситуацией, являющейся образным основанием для возникновения фраземы, и смысловым потенциалом семантической структуры функционирующей единицы» [9, с. 131].

Метод корреляционного анализа определяется системой операций, направленных на выявление основных уровней когнитивно-дискурсивной стратификации знаков косвенно-производной номинации на шкале «Свое – Чужое».

Когнитивный аспект исследования предполагает анализ тех результатов категоризации и концептуализации, которые формируют фразеологическую семантику «свойственности – чуждости». В процессе категоризации происходит выделение минимальных смысловых компонентов «Своего – Чужого», которые образуют когнитивный субстрат фраземы.

Исходя из определения категоризации как когнитивного расчленения реальности на различные категориальные области (В.А. Маслова) и учета их фразеологической объективированности, становится возможным структурирование «возможного мира» «Своего – Чужого». Так, интерпретация «Своего – Чужого» в виде значимой категории сознания сводится, на наш взгляд, к двум основным процессам:

1) категоризации, обосновывающей членение на «Свое» и «Чужое» объективной действительности, то есть окружающего мира;

2) категоризации «Своего» и «Чужого», связанной со стремлением самоидентификации человека путем противопоставления себя другим. Анализ образных репрезентантов с семантикой «свойственности / чуждости» в данном случае способствует постижению национального самосознания, концептуализации человеком *себя* и *мира* в процессе когнитивной деятельности.

В нашей концепции оппозиция «Свой – Чужой» формируется на основе одиннадцати классификационных когнитивных признаков (пространство, время, язык, человек, род (семья), возраст, гендер, принадлежность, степень близости, религия, этнос), каждый из которых представлен оппозитивными элементами – дифференциальными когнитивными признаками, которые образуют концептуальные слои, формирующие образ мира в системе координат этнической культуры. Так, когнитивный признак РЕЛИГИЯ устанавливает отношения христианин – иноверец, верующий – неверующий, праведный – греховный. Однако фраземы-репрезентанты данного когнитивного признака подтверждают, что антропоморфная фразеологическая семантика «искривляет» объективную картину мира, для которой положительные и отрицательные семантические блоки относительно равнозначны, и актуализирует их с ориентацией на собственные семантические закономерности. Сравним: *Фома неверный (неверующий), дух противоречия, иродова душа, вечный жид, иов многострадальный, исчадие ада, божий одуванчик, быть большим католиком (папистом), чем папа, семь смертных грехов числится* и др. Наблюдается явный семантический перевес знаков косвенно-производной номинации, вербализующих когницию «чужой».

Процесс концептуализации подчинен объединению ранее выделенных смысловых компонентов в единую когнитивную структуру, предположительно, фразеологический концепт «Свое – Чужое». Тем не менее, доказанным является тот факт, что границы между концептами и классами концептов размыты [8, с. 99]. Мы склоняемся к тому, что в концептуальных соответствиях «Своего – Чужого» и «Человека», с одной стороны, и «Пространства», с другой, заключается основное культурное содержание данной оппозиции, поскольку ментальная граница, которую проводили архаичные люди, мыслилась изначально как граница между пространством, населенным людьми, и пространством, населенным нелюдью. К этой практике восходят культурные смыслы «своего» и «чужого», заложенные народной культурой, где «свое» (культурное) пространство через ряд границ (околица, река, гора) переходит в «чужое» (природное), которое, в свою очередь, граничит или отождествляется с потусторонним миром. Сравним, например, объективацию данных представлений фраземами *хоть в реку, лучше в реку* – ‘о чьем-л. безвыходном положении, о состоянии отчаяния’; *глядеть (смотреть) в лес* – ‘тяготиться местом, намереваться его покинуть’; *отойти (скрыться) в горный мир (в горную обитель)* – ‘умереть’.

Оценка «чужих» как враждебных и опасных существ восходит к архаическим верованиям о том, что все пришедшие извне и не принадлежащие ближайшему сообществу люди являются представителями «иного» мира. В фольклорной картине мира к «чужим» заведомо относятся нелюди (демонические существа, предки, животные), люди «извне» (инородцы, люди иного социального происхождения и положения, странники). Во фразеологическом фрагменте языковой картины мира данные представления объективируются достаточно активно. Например, негативные оценочные семы занимают ядерное положение в семантической структуре фразем, в основу которых положены имена отрицательных персонажей русского фольклора: *баба-яга [костяная нога]* – ‘о злой, сварливой и безобразной старой женщине’, *кикимора болотная* – *прост. бран.* ‘1. О некрасивом, неопрятно одетом человеке. 2. о нелюдом, чуждающемся общества и угрюмом человеке’, *худой как кощей* – *неодобр.* ‘Об очень худом, тощем человеке’. Отрицательные коннотации образов животных отражаются в семантике единиц *волком смотреть (глядеть)*, *жить как собака*, *извиваться (ползти) ужом*, *как баран на новые ворота*, *как курица лапой*, *ленивая тетеря* и многих других.

«Свое – Чужое» можно представить также в виде когнитивной рамки, следствием наложения которой на содержательный слой концепта является ряд концептуальных диад, структурирующих исходный концепт. Важен тот угол зрения, под которым будет вестись аналитическая работа по семантико-когнитивному описанию концепта. Безусловно, ментально-языковые образования «Человек» и «Пространство» следует признать концептосферами, объединяющими целый ряд концептов. В свою очередь, «Свое – Чужое», с одной стороны, выступает концептуальной диадой, которая наряду с другими оппозициями, входит в структуры обеих концептосфер – «Человек» и «Пространство», а с другой стороны, как полисемантическая ментальная категория пересекается с другими концептами разными участками информационного поля.

«Свое» и «Чужое» в нашей концепции служит также типологическим основанием для классификации концептов. В соответствии с этим нами выделяются этно- и инокультурные концепты. Как правило, внимание исследователей привлекают, прежде всего, фраземы, репрезентирующие этноспецифические концепты, то есть концепты, в концентрированном виде выражающие особенности соответствующей культуры. Под *инокультурным концептом* понимается национально-географический концепт, который реализуется в обыденном, общественном и научном языковом сознании специфическими лексическими и фразеологическими средствами. Имя такого концепта – топонимическое наименование, которое связывается со всем объемом знаний, эмоционально-оценочных переживаний и стереотипных представлений об определенной стране, ее геополитике, народе, ее населяющем, и его культуре. Речь идет, например, о концептах «Америка», «Германия», «Франция» и других (всего, по нашим подсчетам, 21 концепт), контрастирующих с концептом «Русь, Россия, русские, россияне».

Способом познания, легшим в основу формирования инокультурного концепта, является взгляд изнутри, направленный на осмысление и интерпретацию инокультурной действительности. Заметим, что определение «инокультурный» носит в некоторой степени условный характер, так как нельзя отрицать этнокультурной специфики подобного рода концептов: формирование их когнитивной структуры и системы фразеологических средств, образующих номинативное поле, происходит в пространстве русской культуры и русского языка. Одной из задач становится определение степени познавательной ценности знаков косвенно-производной номинации, оязыковляющих инокультурные концепты. Что касается фразеологической объективации концепта «Русь, Россия, русские, россияне», то ее степень достаточно низка. В исследовании Л.Г. Золотых показатель 0,7 % определяется как наименьший из всех групп концептов, репрезентация которых русскими фраземами возможна и зафиксирована [4, с. 151].

Во-первых, оперирование инокультурным концептом происходит, если у говорящего возникает необходимость номинирования объектов «своего» культурного

пространства через обращение к «чужеродным» реалиям, воспринимаемым сквозь призму стереотипов и эталонов. Следовательно, за единицу – репрезентант инокультурного концепта принимается *инокультурная фразема*, то есть «единица косвенно-производной номинации, отличающаяся на уровне фразеологической семантики когнитивно-дискурсивной связью с инокультурной действительностью и содержащая на уровне формальной структуры «чужеродный» компонент» [8, с. 127–128]. Большинство таких единиц содержит оценку «чужого» во внутренней форме. Так, выражение *цыганский пот пробирает* имеет фразеологическое значение ‘озноб, дрожь от холода’. Источником моделирования фразеологической семантики является оксюморон (пот в холод), и именно такое соединение несоединимого получило определение *цыганский*, поскольку для цыган, не имеющих дома, остановка на ночлег, например, в холодной, обдуваемой всеми ветрами степи, не испытание, а привычка (их согревает разжигаемый костер).

Во-вторых, функционирование фраземы может быть связано с обозначением непосредственно «чужого» культурного пространства, то есть восприятием носителями русского языка той или иной страны (государства) как локуса. Например: *дядя Сэм* – ‘публ. ирон. Соединенные Штаты Америки; правительство США’, *Новый Свет* – ‘Соединенные Штаты Америки’, *добрая старая Англия* – ‘устар. Об Англии, Великобритании’ и некоторые другие.

В результате когнитивной интерпретации выявляются связи между концептами, имеющими этно- или инокультурную специфику. К примеру, наблюдается несколько векторов взаимодействия инокультурного концепта «Турция» с разного рода аксиологическими концептами. Так, одним из многочисленных фразеологических репрезентантов концепта «Бедность» является фразема *гол как турецкий святой* – ‘ничего не имеет, беден’. В номинативное поле концепта «Глупость» входит выражение *Ну ты и турок!* – ‘восклицание в адрес человека, медленно соображающего, плохо воспринимающего информацию’. В качестве фразеологического средства вербализации базового концепта «Время» рассматривается фразема *на турецкую пасху* – ‘никогда’; как репрезентант базового концепта «Действие» – фразема *поджечь ноги по-турецки (сидеть, садиться и т.п. по-турецки)* – ‘сидеть, поджав ноги под себя’. Очевидно, что инокультурные и базовые лингвокультурные концепты накладываются друг на друга своими интерпретационными полями, что еще раз свидетельствует о процессе корреляции «Своего» и «Чужого» во фразеологической концептосфере русского языка.

Дискурсивный аспект исследования направлен (А) на осмысление источников фразеобразования как «своих» или «чужих» и (Б) на выявление особенностей формирования смысловой структуры фраземы, актуализирующей потенциальные коннотативные семы ‘свой’ или ‘чужой’. Такая двуплановость объясняется разграничением понятий «генетический дискурс» (дискурс рождения, формирования) и «дискурс актуализации» (дискурс, в котором употребляется вошедший в языковую систему знак) [3, с. 12].

(А) Для установления источников фразеобразования необходима концентрация исследовательского интереса вокруг когнитивной базы (довербальной смысловой основы) фраземы. Выделение *этнокультурного и инокультурного дискурсивных пространств* основывается на представлении о культурном пространстве, которое включает в себя все феномены культуры, значимые для членов того или иного этнокультурного сообщества (см. таблицу).

Таблица

Дискурсивные пространства порождения фразеологической семантики

Этнокультурное дискурсивное пространство (пространство «Своего»)	Инокультурное дискурсивное пространство (пространство «Чужого»)
– русской литературы: <i>подковать блоху, дети подземелья</i> и другие;	– зарубежной литературы: <i>дойная корова, синяя птица</i> и другие;
– русского кинематографа: <i>Москва слезам не верит, берегись автомобиля</i> и другие;	– зарубежного кинематографа: <i>богатые тоже плачут, анатомия любви</i> и другие;

– русского фольклора: <i>при царе Горохе, молочные реки и кисельные берега</i> и другие;	– фольклора других народов: <i>быть большим католиком, чем Папа римский, начать с яйца</i> и другие;
– речи отечественных деятелей: <i>истинно русские начала, кадры решают все</i> и другие;	– речи иностранных деятелей: <i>а все-таки она вертится, башня из слоновой кости</i> и другие;
– русских антропонимов: <i>драть как Сидорову козу, куда Макара телят не гонял</i> и другие;	– иностранных антропонимов: <i>буриданов осел, колумбово яйцо</i> и другие;
– русской топонимики: <i>загнать за Мозай, коломенская верста</i> и другие.	– зарубежной топонимики: <i>как на Иордании, идти в Каноссу</i> и другие.

Этнокультурное и инокультурное дискурсивное пространство являются сферами, интегрирующими целую систему человеческих знаний о «своей» и «чужой» культуре соответственно. Например, в «своей» лингвокультурной среде возникло выражение *блоху подковать* – ‘сделать что-нибудь необыкновенно сложное, проявив тонкое мастерство, умение, выдумку’, употребление которого связано с актуализацией в языковой памяти носителей русского языка текста «Сказа о тульском косом Левше и о стальной блохе» Н.С. Лескова. Сравним с выражением *Акела промахнулся* – ‘о чем-либо серьезном просчете, ошибке’, имеющем инокультурную когнитивную базу – цитата из «Книги джунглей» Р. Киплинга. Обратим внимание, что восходящие к диаметрально противоположным дискурсивным пространствам фраземы вербализуют периферийные когнитивные признаки одного универсального концепта «Труд (Работа)».

(Б) Для обнаружения потенциальных коннотативных сем ‘свой’ или ‘чужой’ рассматриваются особенности фразем в рамках конкретной дискурсивной практики (речевой деятельности). В качестве репрезентантов оппозиции «Свой – Чужой» могут выступать фраземы, образующие комплементарную антонимическую пару. Доказано, что среди фразеологических антонимов чаще всего встречаются единицы, которые выполняют коммуникативно-прагматическую функцию характеристики человека, его внешних и внутренних качеств, поведения, речи, чувств, интеллекта, физической и умственной деятельности и т.д. Так, когнитивный признак ЧЕЛОВЕК объективируется в языке различными антонимичными фраземами, репрезентирующими дифференциальные бинарные признаки. Например: *жить в любви и согласии – жить каждый сам по себе* = ‘сообща, дружно – разобщенно’; *сокол ясный (ненаглядный) – не по сердцу (не по душе)* = ‘любимый – нелюбимый’; *одним лыком шиты – земля и небо* = ‘одинаковые – разные’; *на одно лицо – от разных матерей* = ‘похожие внешне – различающиеся внешне’ и другие. В смысловой структуре названных единиц актуализируются потенциальные семы ‘свой’ или ‘чужой’.

Нами замечено, что такой категориальный признак фразеологического значения, как процессуальность (действие), может также активно передавать развитие когнитивных признаков ‘свой’ – ‘чужой’ на уровне семантики ‘свойственности – чуждости’. Противоположные процессы «принятия как своего» и «отчуждения» выражаются на уровне семантической структуры, например, антонимичных фразем *подавать / подать (протягивать / протянуть) руку [помощи] – поворачиваться / повернуться спиной (задом), показывать / показать спину*, реализующих противоположные фразеологические значения: ‘помогать кому-либо, выручать кого-либо’ – ‘отворачиваться от кого-либо’.

Таким образом, исследование «Своего» и «Чужого» во фразеологическом корпусе русского языка с помощью метода корреляционного анализа позволяет установить следующие аспекты культурно-когнитивной природы и лингвокультурной значимости знаков косвенно-производной номинации:

- 1) когнитивный стимул формирования формальной и семантической структуры фраземы;
- 2) концептуальные лакуны, заполняемые данной единицей (какой концепт репрезентирует);

- 3) реализация смысловых потенциалов;
 - 4) степень употребительности фраземы в речевой культуре современных носителей русского языка (критерий «узнаваемости», ассоциативные механизмы, языковая память носителей языка);
 - 5) парадигматические связи фраземы (синонимия и антонимия);
 - 6) наличие эквивалентов в других (славянских, европейских, восточных) языках.
- Учет каждого из перечисленных аспектов необходим для более точного определения той ячейки во фразеологическом фрагменте национальной языковой картины мира, которую занимает конкретная фразема.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия) / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – Астрахань : ИД «Астраханский университет», 2004. – 296 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Формирование научной школы когнитивно-семасиологической лингвокультурологии / Н. Ф. Алефиренко // Слово – сознание – культура : сб. науч. тр. / сост. Л. Г. Золотых. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – С. 10–15.
3. Декатова К. И. Смыслообразование знаков косвенно-производной номинации русского языка : когнитивно-семасиологический аспект исследования : автореф... д-ра филол. наук / К. И. Декатова. – Волгоград, 2009. – 48 с.
4. Золотых Л. Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка) : дис. ... д-ра филол. наук / Л. Г. Золотых. – Белгород, 2008. – 384 с.
5. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии / М. Л. Ковшова // Теоретические и прикладные проблемы лингвокультурологии : межвузовский сб. науч. тр. – Тула : Тульский полиграфист, 2009. – С. 66–72.
6. Мокиенко В. М. О методологии сопоставительного анализа русской и немецкой фразеологии / В. М. Мокиенко // ROSSICA OLOMUCENSIA XXXVIII (ZA ROK 1999). – Univerzita Palackého v Olomouci v roce, 2000. – С. 337–350.
7. Мокиенко В. М. Национально-культурный и когнитивный аспекты фразеологической номинации : общее и различное / В. М. Мокиенко // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации : мат-лы Международ. науч.-практ. конф. (г. Кострома, 22–24 марта 2012 г.) / под науч. ред. А. М. Мелерович. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. – С. 9–13.
8. Пименова М. В. Концептуальные исследования / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 176 с.
9. Хохлина (Лаптева) М. Л. Онтология культурно-когнитивного анализа «Своего и «Чужого» во фразеологической парадигме : монография / М. Л. Хохлина (Лаптева) ; науч. ред. Л. Г. Золотых. – Астрахань : ИД «Астраханский университет», 2011. – 141 с.

References

1. Alefirenko N. F. Problemy frazeologicheskogo znachenija i smysla (v aspekte mezhurovnevego vzaimodejstvija) / N. F. Alefirenko, L. G. Zolotyh. – Astrahan' : ID «Astrahanskij universitet», 2004. – 296 s.
2. Alefirenko N. F. Formirovanie nauchnoj shkoly kognitivno-semasiologicheskoy lingvokul'turologii // Slovo – soznanie – kul'tura : sb. nauch. tr. / sost. L. G. Zolotyh. – Moskva : Flinta : Nauka, 2006. – S. 10–15.
3. Dekatova K. I. Smysloobrazovanie znakov kosvenno-proizvodnoj nominacii russkogo jazyka : kognitivno-semiologicheskij aspekt issledovanija : avtoref... d-ra filol. nauk. – Volgograd, 2009. – 48 s.
4. Zolotyh L. G. Kognitivno-diskursivnye osnovy frazeologicheskoy semantiki (na materiale russkogo jazyka) : dis. ... d-ra filol. nauk. – Belgorod, 2008. – 384 s.
5. Kovshova M. L. Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii // Teoreticheskie i prikladnye problemy lingvokul'turologii : mezhvuzovskij sb. nauch. tr. – Tula : Tul'skij poligrafist, 2009. – S. 66–72.

6. Mokienko V. M. O metodologii sopostavitel'nogo analiza russkoj i nemec-koj frazeologii // ROSSICA OLOMUCENSIA XXXVIII (ZA ROK 1999). – Univerzita Palackého v Olomouci v roce, 2000. – S. 337–350.

7. Mokienko V. M. Nacional'no-kul'turnyj i kognitivnyj aspekty frazeolo-gicheskoj nominacii : obwee i razlichnoe // Nacional'no-kul'turnyj i kognitivnyj aspekty izuchenija edinic jazykovoju nominacii : mat-ly Mezhdunarod. nauchno-prakt. konf. (g. Kostroma, 22–24 marta 2012 g.) / pod nauch. red. A. M. Melerovich. – Kostroma : KGU im. N. A. Nekrasova, 2012. – S. 9–13.

8. Pimenova M. V. Konceptual'nye issledovanija / M. V. Pimenova, O. N. Kondrat'eva. – Moskva : FLINTA : Nauka, 2011. – 176 s.

9. Hohlina (Lapteva) M. L. Ontologija kul'turno-kognitivnogo analiza «Svoego i «Chuzhogo» vo frazeologicheskoj paradigme : monografija / M. L. Hohlina (Lapteva) ; nauch. red. L. G. Zolotyh. – Astrahan' : ID «Astrahanskij universitet», 2011. – 141 s.

ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С ПРОИЗВОДСТВОМ И ПРОДАЖЕЙ СОЛИ, В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Лебединская Виктория Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357532, Россия, г. Пятигорск, Ставропольский край, пр. Калинина, 9; докторант, Московский педагогический государственный университет, 119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, e-mail: lebedinsa2006@rambler.ru.

Статья посвящена лексике, связанной с производством, перевозкой и продажей соли. Исследование строится на материале архивных и опубликованных материалов, а также исторических словарей. Пласт лексики XVI–XVII вв. большей частью составляет скорописная учетная документация монастырей, непосредственно занимавшихся солеварением. Архивные материалы позволили автору описать цепочку от получения соли до ее продажи. Эта группа по своей функциональности является достаточно обособленной, так как данная лексика в своем большинстве употреблялась только для процесса добычи и продажи соли.

Ключевые слова: соляной промысел, наименования соляных мер, взвешивание, русская метрологическая система.

THE LEXICON CONNECTED WITH PRODUCTION AND SALE TO SALT IN THE HISTORY OF RUSSIAN

Lebedinskaja Victoria G., Candidate of Philology, assistant professor, Pyatigorsk State Linguistic University, 357532, Russia, Pyatigorsk, Stavropol Region, 9, Kalinin st.; doctoral candidate, Moscow pedagogical state university, 119991, Russia, Moscow, Malaya Pirogovskaya St., 1, p. 1, e-mail: lebedinsa2006@rambler.ru.

This article is devoted to the lexicon connected with production, transportation and salt sale. Research is under construction on a material of the archival and published materials, and also historical dictionaries. The layer of lexicon of the XVI-XVII centuries is made mostly by skoropisny registration documentation of the monasteries which were directly engaged in salt production. Archival materials allowed the author to describe a chain from receiving salt before its sale. This group on the functionality is rather isolated as this lexicon in the majority was used only for process of production and salt sale.

Key words: hydrochloric trade, names of hydrochloric measures, weighing, Russian metrological system.

Производство соли на Руси было одним из древних и важных промыслов: было три основных центра по производству этого товара (Русский Север, регионы Астрахани и Сибирь). Усолья – непосредственные места добычи соли. Использовались в ос-